

На правах рукописи

САВУШКИНА Наталья Николаевна

**РОМАН ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА
"ПРОЩАНИЕ ИЗ НИОТКУДА".
ТИПОЛОГИЯ ЖАНРА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2002

Работа выполнена на кафедре русской филологии Тамбовского государственного технического университета

Научный руководитель	доктор филологических наук,
профессор
Попова Ирина Михайловна
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук,
профессор
Михеев Юрий Эдуардович

кандидат филологических наук,
доцент
Гончаров Петр Андреевич |
| Ведущая организация: | Магнитогорский государственный
университет |

Защита состоится «_____» _____ 2002 года, в _____ на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 93, Институт филологии и журналистики ТГУ имени Г.Р. Державина.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (ул. Советская, 6).

Автореферат разослан «_____» _____ 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пискунова С.В.

Подписано к печати 14.11.02.
Формат 60 × 84 / 16. Гарнитура Times NR. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем: 1,16 усл. печ. л.; 1,2 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. С. 702

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, ул. Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Для выявления наиболее характерных тенденций русской литературы 1970 – 1990-х годов, определения ее внутренней логики и динамики движения художественного сознания необходимо опираться на концепцию личности в наследии писателей, непосредственно влиявших на творческий процесс эпохи.

Среди многообразных эстетических потоков последней трети двадцатого столетия выделялась третья волна эмиграции, в которой, наряду с художественными исканиями А. Зиновьева, С. Довлатова, Ю. Алешковского, Г. Владимирова, В. Войновича, И. Бродского, В. Аксенова, А. Терца, А. Солженицына, Ю. Даниэля, выделялись и конкретные новаторские тенденции в романистике Владимира Максимова.

Проза Владимира Емельяновича Максимова (Лев Алексеевич Самсонов, 1930 – 1995) в последние годы вызывает интерес у исследователей, обнаруживающих самые различные подходы к концепции личности героя и жанровому своеобразие его произведений. Одни ученые отмечают сходство в отражении житейского опыта и особенностях идейно-образного постижения мира между ранними повестями Владимира Максимова и творчеством М. Горького, другие рассматривают его произведения в русле развития русской автобиографической прозы XX века, вводя «Прощание из ниоткуда» и «Карантин» в контекст автобиографических книг В. Катаева, Л. Пантелеева, К. Паустовского, В. Астафьева, Д. Самойлова, Ю. Нагибина.

В противовес как соцреализму, так и авангардной тенденции, в его творчестве сформировалась художественная парадигма «постреализма» с некоторыми элементами постмодернизма, наметившимися в произведениях конца 1980-х – 1990-х годов. «Как известно, впервые постреализм как целостная художественная система проступает в 1930-е годы в вершинных произведениях А. Платонова («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»), в поздней лирике О. Мандельштама («Новые стихи», «Воронежские тетради»), «Реквиеме» А. Ахматовой, «Мастере и Маргарите» М. Булгакова и других»¹.

В 1950-е – 1960-е годы явление постреализма представляли Б. Пастернак («Доктор Живаго»), В. Шаламов («Колымские рассказы»). То открытое, то завуалированное противостояние официальной доктрине соцреализма обусловило не только сохранение гуманистических традиций русской литературы, но и развитие новаторских тенденций, конкретных художественных открытий.

В монографии М.М. Дунаева «Православие и русская литература» в главе «Русская литература в эмиграции» анализируется творчество Владимира Максимова с позиций Православия. Основная авторская мысль этой книги такова: «По масштабу внутренних запросов он [В. Максимов – Н.С.] превзошел и М. Горького, ибо совершил эволюцию в сторону Достоевского, ощутил потребность религиозного осмысления жизни»².

Н.М. Щедрина³, Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий⁴ сходятся в том, что проза Владимира Максимова вписывается в традиции русской исторической романистики и продолжает искания художников последней трети XX века, когда происходила трансформация исторического романа соцреализма и «сюжет жизни» выверялся «сюжетом мысли». Ученые сближаются также во мнении, что не только силой логики, но и светом «истин вековых», «преодолением магии идеологических критериев и догм» Владимир Максимов подходит к разрушению канона политизированного романа, к смещению его структуры в сторону романа философского. Аналогичным образом построены такие романы – по своей идеологии далеко отстоящие друг от друга, – как, например, «Семь дней творения» Владимира Максимова, «Покушение на миражи» В. Тендрякова, «Берег» и «Выбор» Ю. Бондарева.

В работах Л.А. Шаховой⁵ и А.В. Баклыкова⁶ представлены иные концепции творчества Владимира Максимова. По мнению этих исследователей, романистика писателя несет в себе двойственные тенденции, заключающиеся в совмещении реалистических и модернистских устремлений. Сходясь в мысли, что даже «оппоненты соцреализма» сохраняли «доктринерский тип мышления» и воспринимали окружающий мир в антиномической парадигме, вышеуказанные авторы усматривают в романах «Ковчег для незваных» и «Кочевание до смерти» воздействие на тексты писателя теории хаоса, культурной антропологии, структурализма и деконструктивизма.

«С возникновением художественного сознания произошла перестановка в мифопоэтической модели Космоса, которая всегда носила «космогонический» характер, то есть наглядно демонстрировала вселенский порядок, объясняла законы мироустройства, оправданность бытия: в произведении искусства человек с периферии мироздания переносится в центр космоса, а все явления вселенского универсума < ... > разместились вокруг человека, приобрели ценностное значение по отношению к человеку – стали эстетической мерой его судьбы и поведения»⁷.

Творчество Владимира Максимова является «неизбежным порождением нашего духовного безвременья», так как в нем сочетаются стремление к вере с целью «очиститься от порчи убийственных идеологий» и «нигилистическая экзальтация безверия», ибо в романах писателя показано, как «в недрах эпохи утраты надежд шестидесятниками, крушения, казалось бы,

¹ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 1: Литература «Оттепели» (1953 – 1968). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 17.

² Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. М.: Христианская литература, 2000. Ч. VI. С. 592.

³ Щедрина Н.М. Литература русского зарубежья. Историческая проза Б. Зайцева, Д. Мережковского, В. Ходасевича, М. Алданова, А. Солженицына, В. Максимова. Уфа: БИПКРО, 1994. С. 46 – 50.

⁴ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968 – 1986). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 19 – 20.

⁵ Шахова Л.А. Функции интертекста в романистике Владимира Максимова (на примере романа "Ковчег для незваных"). Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1999. С. 115.

⁶ Баклыков А.В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова "Кочевание до смерти" Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. С. 48.

⁷ Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Теория литературы. Екатеринбург: АМБ, 2002. С. 22.

обретенных во времена хрущевской оттепели идеалов, нравственного императива, позволяющего человеку оставаться человеком, вызревали творческие планы многих писателей современности, в том числе и постмодернистов».⁸

Действительно, являясь представителем Третьей волны русской эмиграции, Владимир Максимов, еще будучи советским писателем, по сути выступал как внутренний эмигрант, так как ощущал себя чуждым тому, что происходило в литературе соцреализма 1960-х годов. Уже в романах «Семь дней творения» (1971), «Карантин» (1973), «Ковчег для незваных» (1978) он воспротивился всей системе социальных и идеологических ценностей советского общества как тоталитарных, так и либеральных. Увидев «хлипкость душ» современников, впавших в бездну бездуховности, художник в своем последнем романе «Кочевание до смерти» избрал поэтику постмодернизма.

«Новый тип культуры, который возникает на исходе XIX века и получает название модернистского, рожден прежде всего глубочайшим разочарованием и сомнением в реальности и достижимости мировой гармонии вообще, <...> именно модернизм, а затем авангард и постмодернизм приходят к новому типу художественного мифотворчества – ориентированного не на преодоление хаоса космосом, а на поэтизацию и постижение хаоса как универсальной и неодолимой формы человеческого бытия».⁹

Подобные тенденции осмысления мира мы обнаруживаем в зрелый период творчества Владимира Максимова, особенно в его романах «Прощание из ниоткуда» (1974 – 1981), «Ковчег для незваных» (1978), «Заглянуть в бездну» (1985), «Кочевание до смерти» (1994). При этом термин «хаос» употребляется здесь в значении одной из наиболее универсальных моделей построения художественного образа мира.

Общей составляющей всего художественного процесса в русской литературе XX века, как известно, было взаимодействие реалистических и модернистских структур, названное неореализмом. Так, Максимилиан Волошин еще в первом десятилетии XX века заявил, что «в романах и повестях Андрея Белого, Кузьмина, Ремизова, Алексея Толстого у нас уже начинаются пути неореализма <...> новый реализм – это скорее синтез, чем реакция, окончательное подведение итогов данного принципа, а не отрицание его». Не является исключением в этом смысле и творческая установка Владимира Максимова, включавшая различные эстетические тенденции.

Современные исследователи совершенно справедливо обращают особое внимание на библейские параллели и аллюзии в прозе Владимира Максимова, на парадоксальное совмещение реалистических и постмодернистских поэтических средств в процессе воплощения художественных образов.

Актуальность исследования. Владимир Максимов в романе «Прощание из ниоткуда» творит образ «сокращенной Вселенной», рассматривая и советскую и западноевропейскую действительность как единую модель мира, в которой царят одни и те же законы, созданные «искаженной человеческой природой».

Актуальность исследования творчества Владимира Максимова определяется связью с ведущими научными направлениями, изучающими проблемы русской литературы конца XX века в аспекте синтеза реалистических, модернистских и постмодернистских эстетических тенденций.

Оказавшись на пересечении классических и неклассических художественных систем, в зоне взаимоотталкивания и синтезирования реалистических и модернистских структур, Владимир Максимов внес реальный вклад в русскую литературу XX века. В романах «Ковчег для незваных», «Карантин», «Заглянуть в бездну», «Семь дней творения» и в особенности в романе «Прощание из ниоткуда» он сумел выявить узловые вопросы, касающиеся развития личности и общества в целом в сложнейший период русской истории – накануне ломки старой социальной системы и распада СССР. Изучение романа «Прощание из ниоткуда» в связи с этим представляется актуальным еще и потому, что донныне нет ни одного монографического исследования на эту тему.

Объектом исследования выбран наиболее сложный и противоречивый роман писателя «Прощание из ниоткуда», создававшийся около семи лет в различных историко-культурных ситуациях разных стран в самый драматический период его жизни (отъезд из России, первые годы эмиграции, разочарование в ценностях западной демократии) и несущий в себе новые художественные тенденции, существующий в контексте предшествующих и последующих произведений Владимира Максимова.

Предметом является общежанровая структурная модель романа «Прощание из ниоткуда», понимаемая как сложная система, состоящая из взаимосвязанных уровней: концептуального, субъектного, пространственно-временного и стилистического.

В связи с этим мы видим основную **цель диссертации** в том, чтобы представить более полное рассмотрение проблемы жанровой специфики ранее не изученного в научных работах романа Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда».

Исходя из данной цели, в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- выявить концептуальный уровень произведения Владимира Максимова, проявляющийся на тематическом уровне, в проблематике, особенностях конфликта, сюжетосложения и идейного пафоса;
- определить субъектную организацию романа «Прощание из ниоткуда», а также пространственно-временную организацию его художественного мира, подтекстовые и сверхтекстовые ассоциации;
- изучить уровень «внешней» формы произведения в его подсистемах: речевой и стилистической организации текста;
- обозначить место романа «Прощание из ниоткуда» в системе творчества Владимира Максимова в целом и в художественно-философских исканиях последней трети XX столетия.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды известных теоретиков литературы Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, М.М. Гиршмана, Б.О. Кормана, Д.С. Лихачева, В.И. Тютю, В.Е. Хализева, Н.Л. Лейдермана, Д.М. Урнова и других.

⁸ Христианский идеал и постмодернизм // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Петрозаводский университет, 1998. С. 538.

⁹ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 1: Литература "Оттепели" (1953 – 1968) М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 9.

В диссертации учитываются также исследования в области истории русской литературы XX века, затрагивавшие изучаемые проблемы:

Г.Л. Нефагиной, М.П. Сепякова, А.Г. Соколова, Г.П. Струве и других.

В диссертации обобщается опыт немногочисленных исследователей творчества Владимира Максимова: В. Иверни, О. Клемана, А. Краснова-Левитина, М. Латышева, В. Литвинова, Н. Щедриной, В. Марамзина, Л. Шаховой, А. Баклыкова.

Методология исследования предполагает применение следующих видов анализа: сравнительно-типологический, заключающийся в соотнесении избранного для исследования произведения с художественными текстами подобного литературного ряда, а также историко-функциональный и структурно-поэтический подходы.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые исследуется значительное и уникальное в жанровом отношении произведение незаурядного художника XX века. В работе представлен целостный анализ ранее не изученного романа Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда».

Научной новизной обоснована и сущность гипотезы, выдвигаемой в настоящем диссертационном исследовании.

Рабочая гипотеза. В своем романе «Прощание из ниоткуда» Владимир Максимов обогащает романную жанровую форму, осуществляя взаимодействие классических и неклассических художественных систем, реалистических и постмодернистских структур для воплощения проблематики автобиографического философского романа исповедального типа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Роман «Прощание из ниоткуда» Владимира Максимова – центральное произведение в системе зрелого творчества писателя, воплощающее творческую концепцию автора в синтетической жанровой форме философского романа с исповедальным автобиографическим компонентом.

2. Жанровое содержание романа включает в себя следующие важные проблемы: исторической и родовой памяти, отчего дома, тему творчества в аспекте свободы личности и служения Истине, тему воскрешения соборной души русского народа через покаяние, духовное очищение и возрождение.

3. Роман «Прощание из ниоткуда» отличается сложной формой субъектной организации, заключающейся в соединении прямого слова безличного повествователя с целой системой внутренних рассказчиков, выступающих в различных внутривидовых жанрах, взаимодействуя с энергией авторского сознания, выражаемого в подтекстовых и сверхтекстовых (ассоциативных) связях.

4. В систему способов художественного отображения в романе «Прощание из ниоткуда» входит хронотоп, ориентированный на непосредственное воссоздание исторической эпохи «развитого социализма» в связи с изображением внутривидовых событий в их мифопоэтическом аспекте («дом», «путь», «сон», «смерть и воскресение»), формированием духовного человека.

5. Сверхтекстовые связи (историко-культурные ассоциации), в которых преобладают библейские и литературные цитаты, реминисценции, «культурные сигналы», жанрово обусловлены и помогают формированию основной авторской концепции художественного мира романа «Прощание из ниоткуда».

6. Интонационно-речевая организация произведения Владимира Максимова выступает как равноправный носитель жанра и создает оптимистический тон повествования, несмотря на драматизм изображаемых событий.

7. Целостный жанровый анализ романа «Прощание из ниоткуда» Владимира Максимова позволяет определить концепцию человека в художественном мире этого произведения, которая заключается прежде всего в отрицании сведения личности только к социальной функции, в утверждении эстетического идеала, ориентированного на устремленность к вечным ценностям, к преодолению «бездны», к высокой духовности.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она способствует более глубокому осознанию идейно-эстетических изменений, происходящих в литературе последней трети XX столетия, на примере творчества писателя Владимира Максимова. Анализ жанровой структуры дает полное представление об особенностях мировосприятия прозаика, его творческих исканиях в области художественного миромоделирования.

Практическая значимость исследования. Диссертационная работа создает базу для дальнейших исследований в области романистики Владимира Максимова. Результаты диссертации могут быть использованы при чтении лекционных курсов по истории литературы XX века, а также при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам функционирования неклассических эстетических систем в современной литературе.

Апробация работы. Основные положения исследования были апробированы на аспирантских семинарах: «Художественно-философские искания русской литературы XX века» (кафедра русской филологии Тамбовского технического государственного университета 1999 – 2002) и научных конференциях "Художественное слово в современном мире" (ТГТУ, Тамбов, 1999 – 2002). Результаты научного исследования отражены в шести публикациях.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, состоящего из 152 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности исследования, формулировки целей и задач, проблематику, общую характеристику научного контекста, указания на изучаемый материал и методы исследования.

Первая глава «Жанровое содержание романа Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» посвящена принципам миромоделирования, формирующим концептуальный уровень произведения. Здесь определяется смысл заглавия романа, выявляются основные темы и проблемы, решаемые автором (исторической памяти, отчего дома, «творца и искусства», христианства); определяется место романа «Прощание из ниоткуда» в системе всего творчества писателя.

Роман «Прощание из ниоткуда» – произведение зрелого периода творчества известного русского прозаика, созданный в 1974 – 1981 годы, представляет собой своеобразный итог «советского периода» творчества Владимира Максимова и начало новых эстетических тенденций в его романистике. Роман автобиографичен, сила его эмоционального воздействия коренится в том, что читателю передаются личные, глубоко пережитые, выстраданные жизненные впечатления, что доказывается самоцитацией автора своих писем, статей, интервью, которые он вкладывает в уста главного героя Влада Самсонова.

Владимир Максимов на фоне советской обыденности прослеживает духовное развитие, становление героя-современника как личности. Автором и героем как будто владеет одно желание: дойти до самой сути бытия, определить основы прожитой жизни, уяснить ее сокровенный смысл.

«Прощание из ниоткуда» ближе по проблематике и по жанровой разновидности к роману «Кочевание до смерти». И тот, и другой представляют собой исповедальные повествования.

Авторские лирические отступления о психологии творчества в этих романах являются своеобразным зеркалом, отражающим реальный облик самого автора. Более того, в «Прощании из ниоткуда» Влад Самсонов пишет романы Владимира Максимова, так как цитируются отрывки его двух более ранних произведений: «Семь дней творения», «Карантин», публикация которых повлекла за собой необратимые последствия – исключение из Союза писателей, цензурные гонения и вынужденный отъезд за границу. Самоцитация – художественный прием, подчеркивающий автобиографизм повествования.

Жанровый смысл романа вкладывает в себя и заголовочный комплекс: название, посвящение. Название романа «Прощание из ниоткуда» можно трактовать двояко. В прямом значении – это прощание главного героя с Россией перед отъездом в эмиграцию, подведение итогов уходящей жизни, так как мукой прощания с родиной пронизан весь текст романа. При этом автор обращает внимание на негативную оценку прошлого: «из ниоткуда».

Другой философский смысл заголовка разъясняется самим автором: «Из мира в мир, из одного измерения в другое, из ниоткуда в никуда, в отрезок времени, достаточный, чтобы вместить в себя как вдох и выдох, так и целую вечность, переносится душа твоя за кудыкины горы чужбины».¹⁰ Относительность всего земного, в том числе времени и пространства, заложено Владимиром Максимовым в названии произведения и формирует его концепцию действительности. Смысл заголовка – это ключ к пониманию идейно-тематического содержания анализируемого произведения, который сигнализирует о философской доминанте «Прощания из ниоткуда».

Роман «Прощание из ниоткуда» имеет две книги: первая – «Памятное вино греха», вторая – «Чаша ярости». Книжные заголовки объясняют основную авторскую мысль: от покаяния человек приходит к очищению, которое движется через освобождение от «ярости», к всепрощению.

Эстетическое освоение бытия все более обретает у Владимира Максимова религиозное освещение. Писатель уверен, что только через возвращение веры в людские души, мир освободится от сил тьмы. В романе «Карантин» центральной идеей была мысль, что «человека, воспринявшего Свет и Слово, уже невозможно купить или сломить».¹¹ Но, как показывает анализ романа «Прощание из ниоткуда», в эмиграции мысль писателя движется вспять: к утверждению хаотичности, абсурдности бытия, к невозможности человечества пройти путь покаяния и очищения до конца, а последний роман писателя «Кочевание до смерти» – яркое свидетельство отхода от христианской концепции бытия.

Таким образом, заглавные определения в романе «Прощание из ниоткуда» уже содержат зачатки разочарования в философско-религиозном восприятии мира, свидетельствуют о духовном кризисе, который начинается у Владимира Максимова, выехавшего из советской России с ее тоталитарным режимом («из ниоткуда»), хотя обретение смысла жизни все-таки произошло. «Чаша ярости» расплескалась, переполнившись, а затем наполнилась вновь состраданием, мудростью, любовью.

Жанровое содержание романа «Прощание из ниоткуда» включает в себя центральную проблему «отчего дома», входящую в тему памяти – судьбы народа, его национального сознания. Глубина и охват жизненного материала, связанные с этой темой, позволяют определить ее как доминантную.

В романе «Прощание из ниоткуда» именно через систему символов, организующих тему памяти, преломляются политические, идеологические, нравственные представления художника, влияющие на образ главного героя, характер конфликта, на жанровую специфику произведения в целом.

Продолжая традиции русской литературы, вслед за И. Тургеневым, И. Гончаровым, Л. Толстым, Н. Лесковым, а также М. Осоргиным, А. Солженицыным, В. Шаламовым, Ю. Казаковым и другими, Владимир Максимов связывает с отчим домом, который всегда пребывает в памяти человека, его личную судьбу и судьбу всей России. Тема памяти в «Прощании из ниоткуда» приобретает не только философский, этический, метафизический, но и жанрообразующий смысл.

Являясь одним из главных объектов художественного изображения и осмысления реальности, тема попрания свободы творческой личности в условиях тоталитарной системы становится важнейшим компонентом жанрового содержания романа «Прощание из ниоткуда». При ее решении наиболее ярко проявляется авторская концепция мира и человека, так как перед читателем ставятся вопросы, приводятся аргументы, подвергаются обсуждению разные системы ценностей. Изображая судьбу талантливого человека в своем романе «Прощание из ниоткуда», Владимир Максимов демонстрирует весь ужас тоталитарной системы, лицемерно называющей себя самым гуманным социальным образованием, а между тем подавляющей и разрушающей индивидуальную неповторимость художника.

Тема веры, христианства как спасительной ипостаси мира, воплощается в романе Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» в большинстве случаев в формах подтекста, посредством рассредоточенного, дистанцированного повтора, все

¹⁰ Максимов В.Е. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Терра, 1992. Т. 5. С. 5.

¹¹ Максимов В.Е. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Терра, 1992. Т. 3. С. 398.

звенья которого вступают друг с другом в сложные взаимоотношения, из чего и рождается их новый и более глубокий смысл. Причем эти дистанцированные повторы образов, мотивов, речевых оборотов и тому подобное вводятся автором не только по принципу сходства, но и по контрасту или смежности.

Проблема веры как спасительной силы для человечества интересовала Владимира Максимова на протяжении всего творческого пути, но особенно это было заметно в 1960 – 1970 годы. Романы «Ковчег для незваных», «Семь дней творения», «Заглянуть в бездну» – вехи на пути ее освоения. В романе «Прощание из ниоткуда» с темой христианства связан образ главного героя, которого мучают сложные вопросы человеческого бытия: что есть жизнь и что есть смерть, в чем состоит назначение человека на земле, есть ли Бог, как он воздействует на судьбы людей.

Духовный путь героя прочитывается автором в библейском ключе: познание соблазна, греха, который начался с отречения от отца и с преступного равнодушия к матери и был искуплен только через многие годы после мытарств и страданий путем покаянного духовного очищения. Романом «христианского воспитания» может быть названа анализируемая книга Владимира Максимова, так как сюжет ее выстроен как этапы непрерывного покаяния героя, «кровавыми слезами» выплакивающего свои грехи, несущего свой крест с осознанием «Веры и Истины» и принимающего за это дар «Любви и Прощения».

В конце первой главы делается вывод, что в жанровом содержании романа Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» определяющими являются проблемы «отчего дома», исторической и этической памяти и христианские аспекты проблемы покаяния и искупления, через которые должен пройти народ России, чтобы преодолеть трагические последствия революций, гражданских войн, репрессий, всяческого подавления личности..

Во второй главе «Субъектно-речевая организация художественного текста романа «Прощание из ниоткуда» исследуются типы повествователей в произведении, изучается соотношение внутренних жанров, определяются функции ассоциативного фона, выявляется речевая и стилиевая структуры художественного текста.

При написании второй главы диссертации автор исходил из понимания того, что для характеристики жанра романа Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» кроме понятия «жанровое содержание» необходимо исследовать такой важный «носитель» жанра, как субъектную организацию художественного мира.

Каждый жанр, как известно, генетически связан со своей субъектной «типовой» организацией. Этот первый носитель жанра, тесно связан со вторым по значению носителем жанра – пространственно-временной организацией, который был назван Д.С. Лихачевым «внутренним миром художественного произведения».¹²

Для того, чтобы определить пространственно-временную форму произведения, внутритекстовую среду произведения (хронотоп), надо рассмотреть систему характеров, пейзажей, портретов, вводных эпизодов в совокупности с сверткестовой сферой (ассоциативным фоном произведения), который ученые называют по-разному «интертекстуальностью»¹³, «сверткестом»¹⁴ и так далее.

Необходимо учитывать, что не менее важную роль в создании художественного мира играют скрытые ассоциации, которые заложены в тексте в редуцированном виде, а разглядеть и «развернуть» их, увидеть их в связи с целым миром должен читатель. Это сигналы "дистанцированных связей" между отдельными элементами текста или отдельными образами, основанные на повторе, сходстве или контрасте. Такие сигналы называют подтекстом, они открывают глубинные слои во внутреннем мире произведения. Существуют такие «сигналы связи» между образами, запечатленными при посредстве текста, и внетекстовой реальностью. Эти сигналы, которые условно называются "сверткестом". Посредством сверткеста опыт самого читателя втягивается в художественный мир произведения, «досоздает» его.

Вторая глава диссертации включает в себя анализ специфики повествования («Типы повествователей в романе Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда»), изучение пространственно-временных форм романа («Взаимодействие «сна» и реальности в романе «Прощание из ниоткуда»); а также выявление подтекстовых и сверткестовых связей художественного мира произведения («Библейская и фольклорная символика романа Владимира Максимова», «Функции литературного интертекста в романе «Прощание из ниоткуда»). При жанровом анализе исследуется весь спектр «жанровых носителей», в том числе подтекстовый и интертекстовый фон произведения, без учета которого искажается и обедняется картина, и не может быть точно определена концепция действительности, создаваемая писателем.

Каждый жанр художественной литературы имеет доминантную «жанровую мотивировку», которая формирует «концепцию адресата». Это могут быть художественные приемы, которые направлены на активизацию читательского восприятия. К излюбленным поэтическим средствам Владимира Максимова можно отнести комбинации различных типов повествователей.

В романе «Прощание из ниоткуда» типы повествователей связаны с прямыми жанровыми обозначениями: письмо, байка, рассказец, баллада. Автор сразу использует их как указания, каким способом будет построена жанровая структура произведения. Так, поместив в самом начале своего романа лирическую вставку: «Израиль! Израиль! Желтая, выпитая солнцем земля ...», Владимир Максимов настроил на восприятие повествования через авторское сознание. Он подчеркивает лиризм и исповедальность, открытость глубин собственной духовной жизни.

Кроме повествователя, выражающего авторское видение мира, в романе также присутствуют повествователи, создающие эффект «многоголосия», многогранного отражения действительности. К ним относятся письма тетки главного героя; его сестры Кати; «Рассказы веселого московского забулдыги Валеры Левятова»; байка тюремного раскулаченного; легенда «армянская или грузинская «О мастере, который знал», рассказанная Борисом Есьманом; байка «человека – романа» Серёги «Баллада о проданном верблюде»; байки Майданского «Вечный жид в стране Советов» и «Сизифов труд, или

¹² Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 34.

¹³ Попова И.М. "Чужое слово" в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 1997. С. 3.

¹⁴ Чичерин А. Образ автора в "Войне и мире" // Литературная учеба. 1978. № 1. С. 45.

осторожно – женщина!» и другие.

Владимир Максимов использует целый арсенал жанровых средств для того, чтобы более эффективно руководить читательским восприятием. Все носители жанра участвуют в сотворении образной модели мира, координируясь между собой, подкрепляя и дополняя друг друга. В романе «Прощание из ниоткуда» зона безличного повествования (от третьего лица) пересекается с зоной главного героя (от первого лица) и других персонажей по следующей схеме. Вначале повествуется от третьего лица о событиях из жизни Влада Самсонова, которые даются в хронологическом порядке: первое осознание себя как личности, дом, двор, школа, пионерский лагерь, уход из дома, скитания по огромной стране, по Средней Азии, Кавказу, России, по детприемникам, тюрьмам, стройкам социализма, «психушкам».

После безличного повествования о конкретном жизненном событии идет краткое рассуждение о дальнейшем жизненном пути персонажа или его смерти. Далее следует «покаяние» от первого лица, зачастую в форме молитвы. Покаяние может даваться и от третьего лица, а иногда совершается переход в рамках одной фразы или одного абзаца от третьего лица к первому и наоборот.

Безличное повествование затем прерывается внутренним монологом Влада, представляющим собой лирические обращения к близким людям. Звучит внутренний голос героя. От первого лица – от имени Влада – в середине безличного повествования, постоянно прерывая течение сюжета и как бы давая лирический комментарий, слышен исповедальный плач максимовского героя.

Безличный повествователь обладает в романе «Прощание из ниоткуда» функцией всеведения и обычно, описав «встречу» очередного персонажа с главным героем, показывает его дальнейшую судьбу, кратко очерчивая весь земной его путь.

В «объективно поданную» информацию иногда вторгается взволнованная мысль автора, при этом происходит смешение зон повествователя и выразителя авторского сознания. Так, например, изображая события начала Великой Отечественной Войны, Владимир Максимов сначала подает как сводку информбюро о продвижении советских войск, а затем тут же передает в экспрессивной форме свое, авторское отношение к этим событиям.

Замещение повествователя прямым выражением авторского сознания чаще всего происходит тогда, когда Владимир Максимов изображает становление Влада – писателя. В этих эпизодах появляется иронический модус, который свидетельствует о том, что для автора именно тема писательского труда, тайны творчества, существования художника в тоталитарном государстве была наиболее значимой и даже в чем-то болезненной.

Вторая книга романа «Прощание из ниоткуда» более иронична и критична по отношению к советской литературе и ее представителям. В ней преобладает «чужое слово», слово Блока, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Гумилева, а также Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Шекспира и так далее. Это та литература, на которую Владимир Максимов опирается, в которую стремится «вписаться» потому, что она «милость к падшим» призывает. А от литературы «соцарта», созданной «по всем правилам заданной игры», он отрекается.

Говоря об основных типах повествователей в романе «Прощание из ниоткуда», необходимо отметить своеобразный прием наррации: выделение в тексте заглавными буквами ключевых для повествователя или, точнее, для авторского сознания слов. Это своеобразные островки текста, сигнализирующие об особой важности смысла в них.

В романе «Прощание из ниоткуда» Владимира Максимова имеется множество «исповеданий» различных персонажей, выполняющих важные идейно-художественные функции.

«Голос» веселого московского забулдыги Валеры Левятова, который звучит в этой же части романа в его «рассказце» под названием: «Действие равно противодействию», углубляет тему сострадания и милосердной любви. Валера раскрывает эту тему «с обратным знаком», демонстрируя, как жестокость и равнодушие, проявленные однажды человеком, вовлекают в свой порочный круг всех «ближних» и в конце концов возвращаются к тому, кто проявил бездушие первым.

«Рассказец», построенный в форме притчи со множеством высказываний героев, отличается предельным лаконизмом и скупостью средств изобразительности. Он в сказовой форме передает глубочайшую библейскую мудрость, что нарушение основного закона человеческого общежития «Возлюби ближнего своего как самого себя», ведет к неисчислимым бедам, страданиям и унижениям человека, ибо зло не остается безнаказанным.

Другие внутренние повествователи несут философское жанровое содержание. Это байки Сереги Руммера «Баллада о проданном верблюде», байки Майданского, а также легенда Бориса Есьмана «О мастере, который знал...». Все они выполняют функцию углубления основных проблем, поставленных в романе «Прощание из ниоткуда». Например, тема писательского труда получает свое глубокое философское обобщение в легенде Есьмана.

Внутренние жанры второй книги романа отличаются тем, что повествователи в них – люди различных национальностей, выражающие ментальность своего народа, своей страны.

Система внутренних жанров в романе «Прощание из ниоткуда», охватывающая художественный текст обеих книг произведения, призвана посредством звучания голосов различных персонажей утвердить основную авторскую идею, объективировать авторский замысел, показав единство тех общественно-исторических и внутриличностных изменений, через которые проходит человечество.

В романе Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» доминирует романский хронотоп, ориентированный на непосредственное описание реальных событий в связи с событиями внутриличностными в их мифопоэтическом аспекте (то есть с использованием архетипических моделей «путь», «дом», «двор», «сон»). Все события изображаются как живой контакт с «незавершенной, становящейся действительностью» (М.М.Бахтин). Концепция времени у Владимира Максимова несет в себе его оценку действительности. Время в романе пульсирующее и циклическое одновременно.

В первом же абзаце художественного текста совмещается время реальное и воображаемое, библейское прошлое и настоящее.

Прозрачность времени и пространства, их относительность, проявляющаяся в том, что «человек есть запись всемирной истории», что память – это хранитель всего объема земного времени, любой отрывок которого может быть прочитан в любой момент бытия, составляет основу хронотопа романа «Прощание из ниоткуда». Влад постоянно ощущает пульсацию вечности в каждом мгновении.

Роман построен не как последовательное, хронологическое повествование, а как воспоминание об ушедшем, время и пространство оказываются относительными, и постоянно присутствующими в душе героя. Это встреча и прощание, быстротечность и вечность, перескакивание через огромные расстояния и неподвижность.

Позже пространство и время разделятся в сознании героя романа на емкое понятие «Родина» и страшное слово «чужбина», причем мытарства Влада, его скитания по огромным просторам России, Кавказа, Средней Азии сольются в единое ощущение «гремучей пропасти». И бездна эта имела имя – «Россия». Такой вывод сделает Влад только потому, что почувствует, что между ним и другими людьми, даже самыми близкими, «расстояние в тысячи километров, мертвая зона людского отчуждения». Это пространство без любви, зона людской ненависти и равнодушия: "Он не раз еще почувствует на себе удушающую силу этого целенаправленного отчуждения, когда пространство вокруг, словно опоясанное загонными флажками, сужается до размеров почти смертельной петли".¹⁵

Во второй книге романа хронотоп несколько изменяется: главенствующую роль в его жизни начинают играть «видения, сны, бредовые провидения». Между снами и реальностью, в которой развивается личность Влада Самсонова, несомненно, существует тесная связь.

Влад – это особая точка зрения на мир и на самого себя, а значит именно в снах героя автор-повествователь раскрывает нам основной подтекст повествования, акцентируя внимание читателя на самом главном, иногда даже скрытом от сознания героя. Как и у писателей-классиков, а особенно у Достоевского, в романе Максимова сны и «беспамятства» часто выполняют художественные функции: предвращения событий, характеристики образов, а также играют пророческую роль или воссоздают чистоту детской души героя.

В романе Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» сверхтекстовые связи вступают в сложные взаимоотношения с концептуальным уровнем произведения, а также с уровнями внутренней (пространственно-временные и субъектные отношения) и внешней формы (речевая организация, ритмико-мелодическая организация). «Сверхтекст – это также неявный диалог автора с читателем, но он состоит из таких образных «сигналов» (эпиграфов, явных и скрытых цитат, реминисценций, названий и тому подобное), которые вызывают у читателя разнообразные историко-культурные ассоциации, подключая их «извне» к непосредственно изображенной в произведении художественной реальности. Тем самым сверхтекст раздвигает горизонты художественного мира, способствуя обогащению его смысловой емкости». ¹⁶

Роман «Прощание из ниоткуда» изобилует библейскими варьированными сюжетами, мотивами, символами, притчами, цитатами.

В библейском ключе подан другой важнейший символ романа «Прощание из ниоткуда» – Суда Времени, когда человечеству придется отвечать за все его деяния. Показана вся человеческая натура изнутри, сквозь призму исторической судьбы России, формировавшейся веками. Своеобразие стиля Владимира Максимова состоит в том, что он не просто широко цитирует Библию, но и применяет повторы, формируя мотив: «окрашивает» отдельные строки того или иного произведения в разные части повествования. Цитаты создают мощное силовое поле, усиливают ощущение важности той или иной художественной идеи.

Одна из целей автора: с помощью библейского интертекста проследить становление личности в поворотные моменты исторического развития России. Главный образ романа – это образ блудного сына, возвращающегося к своему Небесному Отцу. Влад Самсонов проходит всю страну «пешком», от севера до юга. Скитаясь по свету, он не теряет, а наоборот, обретает связь с пращурами, с «родимым» домом, родными корнями. Путь Влада в родовое гнездо символизирует евангельскую притчу о возвращении блудного сына, так как герой движется по цепочке – отказ от Бога через отречение от отца, бунт и уход из дома, разочарование и тоска, последующее возвращение и обретение себя в новом качестве: в облике человека, раскаявшегося в своих заблуждениях.

Варьирование библейского сюжета об апостоле Павле, которого постигло Божье откровенье, превратившее его в другого человека, также входит в архитектуру романа Владимира Максимова.

Ассоциативный фон романа значительно шире библейских сверхтекстовых знаков, так как именно он помогает создать соотношение прошлого, настоящего, злободневного и вечного в его художественном мире. Все повествование «Прощание из ниоткуда» насыщено выдержками, цитатами, высказываниями русских классиков: А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, а также поэтов «серебряного» века.

Можно полностью согласиться с исследователями, утверждающими, что повышенное внимание к «чужим» текстам, сознательная ориентация на осмысленное и творческое освоение литературных знаков и кодов в процессе создания собственных произведений является отличительной особенностью поэтики Владимира Максимова.

Заключение содержит основные выводы диссертационного исследования.

¹⁵ Максимов В.Е. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Терра, 1992. Т. 4. С. 27.

¹⁶ Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Теория литературы. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2002. С. 31 – 32

«Прощание из ниоткуда» в ряду других произведений В. Максимова, а также А. Солженицына, А. Зиновьева, В. Аксенова, С. Довлатова, С. Соколова принадлежит к книгам, открывающим новые пути художественного освоения реальности, отходящими от соцреалистической догмы и доктринерских типов мышления.

В романе Владимира Максимова обобщаются и углубляются центральные творческие идеи предшествующей прозы художника, воплощенные в таких текстах, как «Семь дней творения», «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну».

«Прощание из ниоткуда» – это автобиографическое художественное повествование, изложенное в форме исповеди, где каждая субъектно-речевая зона соотносится с определенной стороной сознания, характера и судьбы главного героя, «исповедующегося» перед всем человечеством.

Вписываясь в ряд выдающихся произведений русской литературы о творчестве художника слова в условиях тоталитарного режима (В. Дудинцева, В. Тендрякова, Ю. Бондарева, С. Залыгина, Ч. Айтматова), роман «Прощание из ниоткуда» демонстрирует возможность творческой личности противостоять несвободе и творить по законам Совести. Эта авторская идея воплощается в судьбе главного героя произведения Влада Самсонова, который вначале впитывал все постулаты идеологической пропаганды, а затем под воздействием своего жизненного опыта и миропонимания Мастера, Писателя (Ю. Домбровского) и других литераторов-правдолюбцев стал отстаивать свои эстетические убеждения, не идя ни на какие компромиссы.

Выявленные особенности внутренней и внешней жанровых форм и жанрового содержания одного из лучших романов Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» гармонично организуют рожденную индивидуальным творческим поиском писателя концепцию мира и человека, вводя ее в соотношение с многовековым опытом христианского православного мышления и определяя пути духовного возрождения народа России.

Основные положения диссертационного исследования обозначены в следующих публикациях автора:

1. О смысле названия романа Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» // Художественное слово в современном мире: Сб. статей. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 1999. Вып. 1. С. 11 – 12.
2. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» // Художественное слово в современном мире: Сб. статей. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 9 – 13.
3. Библейские мотивы в творчестве Владимира Максимова как способ иронического отношения к действительности // Художественное слово в современном мире: Сб. статей. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 29 – 31.
4. «Слово» А.С. Пушкина в романе Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» // Художественное слово в современном мире: Сб. статей. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001. Вып. 3. С. 39 – 41.
5. Тема Отчего дома в романе Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» // Художественное слово в современном мире: Сб. статей. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. Вып. 4. С. 25 – 28.
6. Функции приема сна в романе Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» // Художественное слово в современном мире: Сб. статей. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. Вып. 5. С. 25 – 27.